

Лоботомия в стиле рок-4. Вечно молодые, вечно пьяные

Источник: <http://www.odnako.org/blogs/lobotomiya-v-stile-rok-4-vechno-molodie-vechno-pyanie/>

Весной 1996, незадолго до президентских выборов, один наш знакомый, игравший в местной группе, решил закончить выступление дерзкой фразой: "Ельцин, пошел в ж@пу!" Не успели музыканты зачехлить инструменты, как отважного рокера уже учили жизни в подсобке благодарные "слушатели" с крепкими кулаками и очень убедительными корочками. "Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты". Знакомый отделался переломами и ушибами, а вся тусовка быстро смекнула — шутить про Ельцина перед голосованием не стоит. Шутим лучше про Ленина.

Вот шутить про Ленина можно было сколько угодно. Никто не сломал бы тебе ребра, а зал, напротив, всегда реагировал бы с восторгом. Можно было открыть клуб с названием "Ленин". Можно было установить бюст Ленина, украсить его презервативами или стрелять по нему из пневматического ружья. В крайнем случае в дверях нарисовалась бы группа потешных, ободранных пенсионеров, которые, налагавшись валокордина, проклинали бы тебя на все лады. Я окончательно понял это, когда наша горе-группа решила замиксовать не реабилитированный еще гимн Советского Союза с известным хитом Guerilla Radio. Полупьяный зал, состоявший из малолеток и патлатых ветеранов, визжал, прыгал, скакал, вместе с нами пародировал гимн на все голоса. А я понемногу начал осознать, что участвую в каком-то жутком непотребстве, которое сам же и придумал.

Как вытекает кровь из пробитой головы, так и 90-е закономерно вытекли из 80-х. И чем больше было этой крови, тем заметнее становился диссонанс между тем, о чем пели патентованные бунтари-рокеры, и тем, что творилось вокруг — на улицах больших и малых городов. Демократическая революция уже победила, расстреляла из танков, сожрала и даже переварила своих детей, а рокеры все продолжали нудить про "не спеши ты нас хоронить", словно на Лубянской площади по-прежнему торчал не мемориальный камень, а угрюмый железный мужик.

Деградация приняла лавинообразный характер. Отражалось это на всем, не только на музыке, конечно. Каждое новое поколение, выпускавшееся из школ, оказывалось на порядок глупее предыдущего. Поколение 80-х — эти язвительные и дерзкие ниспровергатели Совка — выглядели на студенческих капустниках настоящими виртуозами слова, недостижимыми для нас гениями. В 90-е в вузы повалили откровенные дебилы, но спустя год даже эти дебилы начинали казаться вполне себе интеллектуалами — на фоне следующего поколения дегенератов. Перешить инерцию советского образования, советского мышления, конечно, было не так просто. И вот эта инерция, а также предчувствие неотвратимого, но почему-то задерживающегося капиталистического завтра, действовали как анестезия — не позволяли многим осознать, в какую пропасть мы валимся. И даже когда наши города обросли гранитными кладбищами, принявшими в себя сотни тысяч здоровых мужчин; когда пули засвистели над центральными площадями; когда унитазы в школьных туалетах забились шприцами; когда каждая собака обязана была иметь крышу, чтобы выжить; когда после Абхазии, Осетии, Ингушетии дошел черед до Чечни — даже тогда у огромного количества людей все еще сохранялась вера: ну чуть-чуть, ну еще чуть-чуть и заживем по-новому, по-правильному. Как "у них". Вера эта теплилась вплоть до 1998-го, наверное. В крайнем случае, до весны 1999-го.

Это время, 90-е, стало эпохой обвального банкротства всего, что называется сегодня русской рок-музыкой. Парадокс, казалось бы. Натянутые, как струны, нервы первоходеров делали их отзывчивыми ко всем бедам и чаяниям советского общества, помогали высвечивать язвы и червоточинки социалистической системы, бороться с угнетающей свободой государственной машиной. Но начиная с августа 1991-го эти же самые нервы почему-то провисли и потеряли чувствительность к язвам, бедам и чаяниям. Некогда острое зрение притупилось. Слух тоже.

Всесильный враг испарился. Голиаф рухнул к ногам Давида. Ответственность за будущее лежала теперь на Давиде. Капитанский мостик свободен, куда плывем, шеф? А вот к этому-то ни рокеры, ни их горячие поклонники из числа младореформаторов готовы не были совершенно. Поэтому Давид, чтобы не потерять аудиторию, а вместе с ней и средства к существованию, продолжал размахивать кулаками и... правильно, гоняться за Лениным. Это просто, безопасно, а главное — выгодно.

Союза не было, но на концертах звучали старые гимны, старые рефрены. Все те же "черные фары у соседних ворот". Впрочем, появилось и кое-что свеженькое. Вслед за питерской и московской волнами рок-музыки на страну с полной силой обрушилась волна уральская. К этому обязывали и географическое положение, и высокий статус Екатеринбурга как колыбели ельцинской демократии. Коммерчески успешным проектом стал Наутилус Помпилиус, а еще спустя некоторое время всех нас накрыло Агатой Кристи. Однако если Илья Кормильцев продолжал увлеченно ковыряться в том, что музыкальные критики называют "внутренним миром человека", то Агата Кристи привнесла новизну:

Напудрив ноздри кокаином,
Я выхожу на променад.
И звезды светят мне красиво,
И симпатичен ад.
(Агата Кристи, Опиум)

Каждая икона массовой культуры является проекцией неких происходящих с обществом процессов. Поэтому 80-е с их видеосалонами, кооперативами, драками и восточными единоборствами требовали Цоя и получили Цоя. 90-е познакомили широкую аудиторию с героином, ханкой, джефом, винтом, экстази, лсд. Они требовали Агату Кристи и получили Агату Кристи. Именно в 90е, после нашего позорного ухода из Афганистана и жуткой гражданской войны в Таджикистане, заработал канал валовой переправки наркотиков в Россию. Поп-культура должна была отражать эти перемены, и она, как могла, отражала. Я абсолютно уверен, что в 90-е и рок, и попса синхронно и слаженно работали на одну цель — максимальную популяризацию наркотиков.

Если же говорить о наркотической эстетике, то и тут пригодилась уже обкатанная в 80-е технология адаптации западных образцов к российским реалиям. Так же как Цой в свое время, Братья Самойловы предложили стране собственное прочтение творчества группы Сиге. Но кто в России слушал Сиге? Агату Кристи слушали все. Это был тонкоголосый, визглый, беспросветный депресняк, знакомый миру, наверное, со времен Оскара Уайлда или Эдгара По. Общая идея: "Ничего не хочу, все — тлен, все помрем". Эпохе постсоветского упадка "Декаданс" Агаты Кристи соответствовал идеально, как соответствовали русскому военно-революционному лихолетью все эти бесчисленные мерещковские и гиппиусы. А преобладание кислотных синтезаторов, искусственных басов и ровной, пульсирующей бочки делало подобную музыку совершенно незаменимой для дискотек и того, что называлось рейвами. Скептики брюзжали из углов — мол, рок ли это вообще и позволительно ли рокерам косить бабло с таким размахом? Однако голоса поборников "чистого рока" быстро утонули в мощной наркотической симфонии 90-х. Справа от Агаты набирали обороты Макс Фадеев и Линда:

Ма-ма, ма-марихуана,
Ты ее не трогай, лучше без нее.
(Линда, Марихуана)

Слева от Агаты заряжал всенародно любимый Мистер Кредо (Александр Махонин):

Бола-бола, каждый вечер он зовет моя душа.
Бола знает: в этом мире правит джэф и анаша.
На игла садится шило, и назад дороги нет.
Бола-бола - моя сила, бола-бола - моя смерть.
(Мистер Кредо, Бола-Бола)

Не надо только заводить старую шарманку о том, что рок и попса это разные вещи. Это одно

и то же. И с музыкальной точки зрения (любую Алену Апино можно переделать в грайндкор, любой Cannibal Corpse — в Алену Апино), и с точки зрения кассовых сборов, а главное — с точки зрения карманов, в которые эти сборы попадают. Так вот 90-е это, конечно, прежде всего деградация, наркотики и смерть. Все, как обещал Цой, собственно говоря. Вот тебе война. Вот эпидемия. Вот снежный буран. "Ворона" Линды, "Опиум" Агаты, "Крылья" и "Титаник" Наутилуса. Упоение смертью. Смертью отдельного человека — будь то Анатолий Крупнов или Александр Козлов, или смертью народа, государства, цивилизации.

Логика явно отсутствовала. Вроде бы строим процветающее капиталистическое общество. Почему же тогда заводы разрушены, подъезды переполнены наркоманами, а трассы проститутками? Почему от свободы разит аммиаком, как из лифта с оплавленными кнопками этажей?

Первой отрезвляющей пощечиной стал декабрь 1994. Все-таки про октябрь 1993 народ из передач Сванидзе народ мало что усвоил. Ну бузят у них где-то там, в Москве. А вот картинка из сгоревшего Грозного касалась каждого города, каждой деревни, где был военкомат. К ельцинскому марафону "Голосуй, а то проиграешь" 1996-го страна уже насмотрелась и на площадь Минутка, и на Буденновск, и на ростовский морг. Всем хотелось думать, что это просто какая-то ошибка. Сбой в составленной юными академиками и профессорами программе экономических преобразований. Массовая культура упорно молчала. Только юродивый Юра мог вывалиться где-нибудь с гитарой на сцену, чтобы пропеть, как и в 1993:

"Правда на правду
Вера на икону
А земля да на цветы.
Это я, да это ты."
(ДДТ, Правда на правду)

Где правда, какая икона, какие, в бога душу мать, цветы? О чем он вообще? После казней заложников, после первых терактов, после физиономий Яндарбиева и Масхадова в каждой новостной программе стало понятно, что кто-то кого-то крупно нагрел. Уже в 2000-х один из бывших вице-спикеров Госдумы, о котором мы снимали сюжет, расскажет мне шепотом, что Зюганов вообще-то выиграл те выборы. Не "по слухам", не "может быть", а выиграл по данным ЦИК. Но отказался от своих результатов по ряду обстоятельств "непреодолимой силы". Народ же, запуганный массовой агитацией (листовка "купи еды в последний раз" персонально в почтовый ящик, увещевания "знаменитостей" из любого утюга), купившийся на подсунутого ему Березовским бравого генерала Лебеда, через два месяца получил в морду Хасавюрт. А рокеры, участвовавшие в "Голосуй или проиграешь", по сути дела помогавшие Семибанкирщине устроить российскому капитализму аортокоронарное шунтирование, миглом попрятались по углам. Я был на тех ельцинских концертах и прекрасно помню, какие нынешние рок-динозавры в них поучаствовали. Обратите внимание, и сегодня наиболее преданными поклонниками рок-музыки остаются состарившиеся семибанкирчики вроде Коха с Чубайсом. Рокеры отвечают им взаимностью. Не диво. Ведь многие "бунтари" годами были надежно вписаны в рекламные бюджеты СПС.

Как бы то ни было, 1997 оказался точкой излома. Стало окончательно ясно, что рокеры со всей их отвлекающей дребеденью это лишь фоновое сопровождение для убийства страны. Они не собираются петь о войне, о пленных, об отрезанных головах. Они не собираются петь о приватизации и обнищании. Они не собираются петь о всевластии преступных группировок. Они не собираются петь о тех, кто сделал все это возможным. Как и в 1987 году, их по-прежнему интересует только дедушка Ленин. Ну или какой-нибудь отвлеченный Яблокитай. Почему? Вы все правильно поняли. В первую очередь потому, что они получают бабки от тех, кого русская катастрофа абсолютно устраивает.

Кстати, ни один крупный рок-фестиваль в 90-е не проходил без спонсорской поддержки авторитетного пивзавода или уважаемой табачной фабрики. Иногда ликеро-водочные деньги разбавлялись деньгами от заходивших на новый рынок производителей средств контрацепции. Все это неминуемо приводило к тотальной, скотской пьянке по периметру каждого стадиона, каждого дворца спорта. Никто, наверное, уже не помнит популярное в 90-е пиво "Амстердам-Максиматор", три банки которого убивают лошадь? А я вот очень хорошо помню себя, на снегу перед "скорой помощью", после очередного мега-концерта, в компании десятков таких же сопливых искателей рок-приключений.

Впрочем, постепенно и у самих рокеров, конечно, начали отслаиваться шаблоны. Наш гитарист, великий поклонник "Алисы", как-то вернулся после интервью с Кинчевым и объявил, что "Костя сошел с ума". На протяжении разговора не снимавший черных очков Костя уклонялся от всех вопросов и как заведенный повторял одну фразу — "нам всем надо в храм, в храм, просить прощения, а перед этим — в баню, где мы должны отмывать душу." Примерно с этого времени начался другой Кинчев и другая "Алиса", о которых я предлагаю поговорить в заключительной части "Лоботомии". Вроде бы пробовал отвлечься от борьбы с ненавистным совком и Юра-музыкант. Но проблема Юры в том, что он не владеет русским языком. Поэтому из его песен про войну было нельзя понять решительно ничего. Юра против войны? Юра за войну? Юра вообще кто и за кого? Как в 1997-2000, так и теперь, Юра и все ему подобные остаются борцами за хорошее против плохого. При этом ни одного внятного критерия, помогающего отличать одно от другого, они до сих пор не предложили. Вот почему не стоит ждать, что кто-то из них посетит Новороссию с концертами.

Очень кстати и вовремя к середине 90-х до России докатилась еще одна музыкальная волна. Альтернативная музыка. Альтернатива или инди-движение (indie, independent) выросли из очередного конфликта отцов и детей, совпавшего на Западе с окончанием Холодной Войны. Поколение отцов воевало во Вьетнаме, зажигало под длинноволосых и обкурившихся Цепов, Дорзов, под размалеванных и жирных Киссов и Ганзов, под смешной рычащий Мановар. Поколение детей увидело экономический кризис 1987-го года, депрессию, а потом — внезапный триумф Западной потребительской культуры. Гибель СССР обесмыслила их жизнь. Стало некого бояться. Заросла тропинка в бомбоубежище. Поколение X задохнулось от внезапно свалившейся на него свободы и такого же внезапного клинтонского изобилия. Для детей "детей цветов" рок уже не был никакой революцией, это был пахнущий родительской рвотой мейнстрим. Появилось первое поколение, которое хотело могло с уверенностью сказать — я ненавижу рок.

Sell the kids for food
Weather changes moods
(Nirvana. In Bloom)

С точки зрения музыки и стиля "альтернатива", заявившая о себе как об антироке, это, конечно, убогая попытка нагадить в ботинки Ричи Блэкмору, Ингви Мальмстиму или Джимми Пейджу. Мы — простые парни из этого квартала. В чем грузим коробки в Costco, в том и играем. Ни к чему нам ваши хайры, кожаные лосины и забубенные соло-партии. Мы смеемся над вашим тейпингом и флажолетами. В наших песнях, может быть, не три аккорда, как в ваших, а всего один, зато в них есть "правда". "Правда" жизни. Внебрачная дочь панка, альтернатива с самого начала противопоставила себя обществу, провозгласив вместе с лидером Nirvana Куртом Кобейном — "Кругом одни продажные сволочи. Я ненавижу себя, я хочу умереть". В 1994, подав пример многим поклонникам, Кобейн разобрался с собой с помощью героина и охотничьего ружья. Для полного счастья постсоветской России не хватало только такого символа. Она с радостью его приняла. К середине 90-х лишь убогие отщепенцы у нас продолжали косить под Виктора Цоя. Продвинутые музыканты подражали Soundgarden, Pearl Jam, Alice in Chains, Smashing Pumpkins. Лишь спустя многие годы я огромным удивлением узнал, что напрасно искал в текстах Nirvana высокий поэтический смысл. Они на 3/4 состоят из наркоманского сленга. The water is so yellow, I'm a healthy student — просто намек на обязательный для учеников проблемных американских школ тест на наличие следов опиатов в моче. Вскоре и в наших школах такие тесты стали обыденностью.

Да, конечно, не стоит забывать и о том, что весь "культурный" мир в этот момент пудрил ноздри вместе с Квентином Тарантино, повторял вместе с героями Trainspotting:

Выбери жизнь. Выбери работу. Выбери карьеру. Выбери семью.
Я не выбрал выбирать жизнь. Я выбрал что-то другое. Причина? Кому нужны причины, когда у тебя есть героин?
(Trainspotting)

Любопытно, что неопытной России кое-кто заботливо помогал не отстать от мейнстрима. У нас в городе на день американской независимости звездно-полосатое консульство

устраивало бесплатные просмотры "Криминального Чтива", а Британский Совет, пачками отправлявший школьников за границу, в разгар чеченских событий развлекал детей концертами этно-террористической группы Fun-Da-Mental. Но это, разумеется, была чистая филантропия. Культурный обмен. Так ведь?

Еще одним "достижением" 90-х в рок-музыке стала легализация гомосексуализма. Вообще говоря, феминизация общества, феминизация массового сознания и так шла полным ходом, в прямом соответствии с любым учебником по психологической войне. Чтобы одержать верх над противником, его необходимо демотивировать, сломить его волю к сопротивлению, обабить. Это был аккуратный, но абсолютно последовательный процесс. И опять, изучая декаданс 90-х, можно наткнуться на множество параллелей с декадансом 1914-1918, с его морфинизмом и тягой к извращениям. Сначала "Я оптимист, а оптимист, я гетеросексуалист" — затащили братья Самойловы (затащили так, что разумный человек никогда бы не мог заподозрить в них гетеросексуалистов). А чуть позже настоящим прорывом для гомосексуальной темы стало восшествие на музыкальный Олимп группы "Мумий Тролль". Народ, я никого не хочу обидеть, но не надо тут рассказывать о скрытых в творчестве Лагутенко высоких мотивах.

"Кот кота ниже живота
Водку любишь? Это трудная вода."
(Мумий Тролль. Кот Кота)

Это, кажется, был первый клип МТ на ЦТ. Напомаженный Лагутенко в нем скачет в латексных штанах. И когда сегодня этот персонаж мурлычет про "йогуртом по губам", в сущности, неважно, какой он там на самом деле ориентации. И интонации, и сценический имидж, и тексты совершенно однозначно снимали в массовом сознании табу с некогда запретной темы. Кстати, и пресловутую статью УК либералы, боровшиеся с совком, оперативненько и очень ко времени отменили. Наркотизация и педерастизация. Через Трейнспоттинг и тарантиновское Чтиво, через моментально разлетавшиеся в провинции Птюч и ОМ, через прочую замануху для дурных, незрелых голов. Справа в том же направлении ударно работали какой-нибудь беззубый Шура или Оскар, слева — Ночные Снайперы и Гости из Будущего. Ну а дальше — понеслась душа в рай. Еще раз — я не утверждаю, что Лагутенко сделал гомосеками всех, кто слушал "Морскую". Но я своими глазами видел, как нормальные с виду парни начинали косить под "Мумика", рисовать перед концертами брови и отращивать челки. Ну вот спросите себя, что такое призыв "Утекай", обращенный к миллионной аудитории? Любая массовая культура — большой обезьянник. Столичная группа передирает иностранную. Провинциальная группа передирает столичную. Цепная реакция. И вот представьте — в такую электрическую цепь посылается сигнал — Утекай! Кстати, это одна из причин, по которым наш ныне покойный коллектив старался держаться за километр от всех подобных подражателей. У нас в какой-то момент была даже собственная телега "Утекай", посвященная описанному выше феномену. Уж простите за низкий стиль, но лоботомия так лоботомия:

Умирает страна, собирай чемоданы
В Чечне режут глотки, в Лужниках играет Чайф
Умирает страна, какой-то п;дор с экрана
Уже шепчет тебе в ухо — утекай!

Тут можно много чего добавить. И про поющую на радость Абрамовичу Земфиру, и про других представителей того же самого зоопарка. В какой-то момент я начал лихорадочно шерстить свою фонотеку, искать в дорогих мне треках хоть что-нибудь, что отражало бы реальность, реально происходящие за окном события, что-то, что можно было бы хоть как-то соотнести с действительностью, чтобы выбраться из этого безумия. Но нет, 9 из 10 коллективов продолжали петь о какой-то абстрактной ерунде, о взаимоотношениях полов (кровь-любовь), о звездах, судьбе и прочих межгалактических категориях, о вывернутых кишках и сухожилиях (всевозможные death-black-doom металлисты и прочие ненормальные бродили по местным кладбищам и разрывали могилы), о бутылке кефира и половине батона. О том, что наша страна катится в пропасть, ясным, понятным языком не пел практически никто. Только рок-пензионер Кормильцев сообщал, что "пришел попрощаться с нами и нашим кораблем", да из Питера иногда доносился грохот Кирпичей:

Сегодня я гуляю, меня выгнали с работы
Денег не дали, выпить охота
Кинули, кинули, меня на деньги кинули
Развели на деньги и по морде двинули.
(Кирпичи. Байка)

Возможно, этих исключений больше, но я нашел только два. В 1996 у питерской группы Текиладжаззз (любимой группы аффтара, должен раскрыть наконец карты) вышел альбом "Вирус". На мой взгляд, это главное, что сделал в своей длинной музыкальной жизни Женя Федоров, однофамилец известного депутата-цоефоба. И хотя Женя сегодня — человек болотного или околболотного настроения, в 90-е он воспринимался совершенно иначе, хотел он сам того или нет. "Вирус" прошелся практически по всем темам, о которых тогда было принято молчать:

Старый попугай орет, что "есть такая буква"
Это — в минус.
С золотой каретой едет черная машина.
Это — в минус.
В Марьино малина лупит бархатную клюкву
Это — в минус.
Жиголо с Фонтанки едет к б...ди из Берлина
Это — в минус.
Вирус! Вирус! Вирус.
(Вирус)

Вот пуля просвистела, улетела, мой товарищ упал
И не было ей дело до того, что он хрипел и стонал.
(Ага)

А пока входили в город именитые войска,
Девки брили себе череп от лобка и до виска,
"Новый русский" бриллианты доставал из сундука,
А после хвастался подруге, что купил у Собчака
Полевые командиры посчитали: раз, два, три,
А по ТВ миссионера распирало от любви,
"Зелёные" жевали шоколадки sugar free,
А "голубые" в ночном клубе танцевали до зари.
(Бей, Барабан)

Меня не спросят, меня на месте бросят,
Улетят бухать на острове Кипр.
Пока не вспомнят про то, что рыба тонет
И про мой универсальный калибр.
Ухожен и промазан, я черен, зол, тяжел
Курок - боек, предохранителя нет
Привык работать - два выстрела и рвота
Ну сколько там тебе было лет?
Не помню. Не помню.
(Пистолет)

Вторым исключением стали наши хорошие знакомые, группа Смысловые Галлюцинации. Да и вообще вся тусовка, выросшая вокруг них, вокруг общаги екатеринбургского архитектурного института и открытого в ней клуба J22. Народ в J22 числил себя под "альтернативой", конечно. Слушал всякое Faith No More и постоянно издевался над роком. Где-то рядом была Чичерина. Где-то забытая теперь группа "Голый Пистолет", менявшая имидж раз в сезон сообразно конъюнктуре и крутейшим образом троллившая каждого нового мумийтролля. Но, конечно, главным заводилой оставался Буба, лидер СГ Сергей Бобунец. В его поведении было очень мало философии, а тем паче поэзии. Он, произвольно, наверное, создал тот единственный сценический тип, которого и заслуживали 90-е. Назовем его условно поющим гопником. Поющий гопник — пацан с района, которому не хватает ума и слов, чтобы выразить

свое отношение к происходящему вокруг ужасу. Но его ужас реален, правдив и естественен. Он не содран с Роберта Планта или Роберта Смита, он абсолютно аутентичен, как написал бы высоколбыый критик. Аутентичен, как спортивный костюм и кроссовки Adibass. Весь его вид — медицинский диагноз. И ему самому, и обществу, в котором он живет. И, в принципе, было понятно, почему — когда на сцену местного рок-клуба поднималась очередная порция идиотов в футболках "Металлика" и принималась подметать гривами пол — Буба мог схватить бутылку и запустить ее на сцену, как гранату. За этим неминуемо следовала потасовка, в которой тоже при желании можно было бы разглядеть какую-то драматургию смыслов, борьбу эстетических концепций. Возможно, была там и драматургия. В текстах ранних СГ (а слушать у них надо, по совести, только один альбом) постоянно обыгрывалось "творческое наследие" рокеров, передавались злые, задиристые, постмодернистские "приветы" Бутусову, Гребенщикову, Шахрину и всей честной компании.

.
Потом я встретил какую-то женщину,
Я ел бутерброды и читал ей стихи.
Пил вино и орал, что гребЕнщиков
Х сосал у меня, что они все — м...ки..
(Я хочу есть)

.
И мы поднимемся в тамбур, предъявим билет
Вагон заскользит и поедет отсюда
Мы оставим любовь и пустую посуду
"И те, кто нам верил, посмотрят нам вслед"
И вот колеса звенят как звенели стаканы
Вино набирает свой ход оборотами
Мы едем в чужие теплые страны
От смерти бежим, как козлы — огородами
(Прощание со Свердловском)

.
Но, конечно, "вершиной" творчества СГ стала песня "Ален Делон", в которой лирический герой 90-х ведет заочный спор со всеми комиссарами русской рок-революции разом.

.
Мы будем жить с тобой в высохшей скважине,
Если нас выгонят из маленькой хижины
Будем промышлять с тобой мелкими кражами
Будем смотреть на всех глазами бесстыжими.
(Ален Делон)

.
В общем, неудивительно, что в Брате-2 у Балабанова, ярчайшего представителя рок-поколения в кино, заглавной музыкальной темой стала песня Смысловых Галлюцинаций "Вечно Молодой" (Вечно Пьяный). В этой строчке — самая точная характеристика всей эпохи, начавшейся с радостного опьянения и закончившейся тяжелейшим похмельем. От оптимизма и восторга первых постперестроечных лет ("Все только начинается", клялась из выпуска в выпуск программа "Взгляд") — к мрачному бодровскому озарению:

.
— Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда — тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда, значит, он сильнее.
(Брат-2)

.
Только вот даже среди рокеров Балабанова, мобилизовавшего на Брат-2, кажется, весь уральский рок-клуб, не нашлось никого, кто мог бы об этом... спеть. Пришлось довольствоваться старым, обращаться к ненавистному совку, доставать из подсобки заплеванной и разрисованный гипсовый бюст:

.
Я узнал, что у меня есть огромная семья—
И тропинка, и лесок
В поле каждый колосок
Речка, небо голубое

Это все мое, родное.
Это Родина моя!
Всех люблю на свете я.

.
Где-то рядом, в том же направлении, но параллельным курсом, двигался еще один протрезвевший — Егор Летов. Правда, двигаться ему оставалось недолго. Петь обо всем этом, мучительно подбирая слова, предстояло уже следующему поколению. Его нельзя будет назвать рокерским. Да и новые песни будут не всегда похожи на песни. Собственно, здесь предлагаю поставить очередное многоточие, чтобы в заключительной части "Лоботомии" задать наконец вопрос — может ли популярная, массовая культура использоваться не только для разрушения общества, но и для его защиты? Может ли этот процесс быть инспирирован сверху? Какой след оставят в массовой культуре поздние 2000-е? Какой новой революции они послужат?

Источник: [Блог Константина Семина](#)